

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. С. А. Скуридина
г. Воронеж, Россия

НЕБО КАК МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Исследование собственных имен в произведениях Ф. М. Достоевского, объединенных мифопоэтической константой *небо*, является частью работы, посвященной изучению мифопоэтических констант как неких вневременных универсалий в ономастической лаборатории великого писателя. Мифопоэтическая доминанта *небо* нашла свое символическое отражение прежде всего в таких антропонимах, как *Верховенский* и *Верховцева*, а также в топониме *Скворешники*. Детерминированность онимов мифологемой *небо* является в творчестве Ф. М. Достоевского особым знаком, указывающим на метонимическое замещение одной константы другой.

Ключевые слова: ономастика, топоним, антропоним, мифопоэтика, мифопоэтические константы, Ф. М. Достоевский.

Информация об авторе: Светлана Анатольевна Скуридина — кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный технический университет, Московский пр., д. 14, 394026 г. Воронеж, Россия. E-mail: saskuridina@yandex.ru

Дата поступления статьи: 01.03.2017

Дата публикации: 15.12.2017

На всем пути своего исторического развития художественная литература вбирает и перерабатывает мифологическое наследие первобытности и древности. А. Н. Афанасьев писал: «Если переложить простые, общепринятые нами выражения о различных проявлениях природы на язык глубочайшей древности, то мы увидим себя отовсюду окруженными мифами...» [1, с. 23]. По мнению А. Ф. Лосева, миф — это «обобщенное отражение действительности в виде чувственных представлений» [9, с. 458].

Мифопоэтические константы осмысливаются и вводятся в канву художественного произведения каждым писателем по-разному. Для Ф. М. Достоевского мифофольклорные источники являются средством выявления соответствия мировоззрения изображаемых героев, находящихся в состоянии конфликта с окружающим миром или с самим собой, нравственно-философским ценностям, являющимся первоосновой человеческого бытия.

Каждый человек, в том числе и писатель, так или иначе воспринимает мир в контексте мифологической культуры, что заведомо отражается на его творчестве. В связи с этим мифопоэтические аллюзии могут появиться в художественном тексте не только вследствие их умышленного введения, но и вследствие бессознательного воспроизведения мастером слова какого-либо мифофольклорного сюжета.

Миф, осмысленно или случайно внесенный автором в художественное произведение, приобретает новый смысл: авторское сознание, взаимодействуя с мифопоэтическими представлениями о мире, перерабатывая существующий миф, творит новый, который в каждом случае не тождествен первоначальному. В связи с этим В. Н. Топоров отмечает, что в творчестве любого писателя можно рассмотреть два процесса — мифологизацию, которая «служит созданию наиболее семантически богатых, энергичных и имеющих силу примера образов действительности», и демифологизацию, которая, наоборот, ломает «стереотипы мифопоэтического мышления, утратившие свою подъемную силу» [14, с. 5].

Мифопоэтические константы в произведениях Ф. М. Достоевского, проявившись в начале его творческого пути, являются определяющими на всем его протяжении. По мнению А. Л. Ренанского, в художественной космологии Ф. М. Достоевского доминирует мифологический образ мира, расщепленного на антагонистические начала: «Для этого видения характерно противопоставление своего *мира-космоса* миру окружающему как *миру хаоса*. Эта архаическая традиция проявляется у Достоевского и в символической классификации пространства: авторская символика топонимов в художественном мире писателя более значима, чем информация об их реальных географических локусах. В этом смысле все топонимы Достоевского можно рассматривать как мифопоэтическую модель мира, т. е. определенную систему пространственных координат, устанавливающих место человека в мироздании, а также уточняющих границы Космоса и Хаоса» [10].

В творчестве Ф. М. Достоевского значимы не только топонимы. Все ономастические единицы представляют собой систему, организующую каждое творение писателя. Ономастикон — это своего рода каркас, без которого невозможно было бы создать произведение как единое целое, поэтому закономерно использование писателем онимов, значимых в мифопоэтическом плане. Исследование ономастики Ф. М. Достоевского в мифопоэтическом аспекте видится актуальным и перспективным в связи с тем, что ономастика писателя не рассматривалась с точки зрения актуализации мифопоэтических констант.

Обращаясь к мифопоэтическому плану творчества Ф. М. Достоевского, в первую очередь нужно отметить тяготение писателя к таким оппозициональным константам, как *верх* – *низ*. Для писателя *верх* и *низ* — это не просто пространственные координаты, это нравственно-философские полюса, определяющие человеческое бытие.

Низ — это Мать-сыра-земля [см.: 11], верх — это небо. В мифах разных народов рожденные землей герои устремляются по воздуху в небо, к верховному божеству, так как это сулит земным героям бессмертие.

Ипполит в романе «Идиот» задает вопрос: «Для чего мне ваша природа <...> ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо?» [6, т. 8, с. 343]. Герою «Мертвого дома» хочется «не того неба, которое над острогом, а другого, далекого, вольного неба», вероятно, того, с какого в острог упал подполковник Г-ков [6, т. 4, с. 9; 214]. В исследовании Г. Гачева «Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос» указывается, что «нет неба у Достоевского: он отвернут к закоулкам города, взгляд его вниз и вкось. Нет и солнца: ни как света, ни как глаза в небе — лишь <косые лучи заходящего...>» [4].

С точки зрения семантической детерминированности мифологемой *верх* интересны такие фамилии персонажей, как *Верховенский*, *Верховцева*.

В тексте романа «Братья Карамазовы» контекстуально раскрывается смысл фамилии Катерины Ивановны Верховцевой: Алеша «чувствовал каким-то инстинктом,

что такому характеру, как Катерина Ивановна, надо было властвовать, а властвовать она могла бы лишь над таким, как Дмитрий, и отнюдь не над таким, как Иван» [6, т. 14, с. 170]. Заключение Алеши подтверждает и сама Катерина Ивановна: «Пусть стыдится и всех и себя самого, но пусть меня не стыдится. Ведь Богу он говорит все же, не стыдясь» [6, т. 14, с. 135]. Итак, Катерина Ивановна приравнивает себя к Богу, в связи с чем показательны ее имя и отчество: *Катерина*: из греч. *Αικατερίνη* «вечно чистая» [12, с. 375], *Ивановна*: *Иван*: *Ιβάν* «Бог милует» [12, с. 192].

В рукописных редакциях это подтверждается фамилией, которую хотел дать героине Ф. М. Достоевский: «Вершонская» [6, т. 14, с. 304]. Данный антропоним мотивирован глаголом *вершитъ*, значение которого говорит само за себя. И все-таки в романе другая фамилия — *Верховцева*, которой Ф. М. Достоевский обозначил тот верх, до которого никогда не добраться Мите и с которого никогда не сойдет Катерина Ивановна: *верховица* ж. вершина, верхушка, верх, маковка, макушка, или *верховать* астроном. о светилах: переходить через меридиан (полуденник), достигать верха (максимума) высоты своей, кульминировать [5, т. 1, с. 185].

С позиции обозначения мифопоэтических координат, знаменательна фамилия *Карамазовы*, которая не только вводит оппозицию *тьма – свет* (*кара* — татар. «черный» [15, т. 2, с. 192]), но и вписывается в оппозицию *верх – низ*, так как, по замечанию А. Гафурова, «компонент *кара* в тюркских именах имеет другое значение, не совпадающее со значением прилагательного *кара* ‘черный’. «Верховный правитель в этом [тюркском] государстве носил титул “каракахан” или “карахан”. Здесь компонент *кара* употребляется не в смысле “черный”, а в значении “великий, могучий”» [3, с. 22].

Художественный мир Ф. М. Достоевского, по мнению Р. Клейман, «может быть представлен как грандиозная система метонимических ассоциаций, — смещений, замещений, подмен, подлогов, рокировок, переносов, синекдох и т. д.» [7, с. 99]. На наш взгляд, *верх*, обозначенный фамилиями героев, является метонимической подменой *низа*, поэтому и невозможен брак Мити и Катерины Ивановны Верховцевой.

Под фамилией *Верховенский* выступают в романе два героя — отец и сын: Степан Трофимович и Петр Степанович. История создания их фамилии раскрывается Ф. М. Достоевским в черновых записях к роману «Бесы»: «Гр<ановск>ий во весь роман постоянно пикируется с сыном верховенством» [6, т. 11, с. 89]. Имя отца *Степан* (греч. *Στέφανος* «венчик, венец, корона, диадема» [12, с. 302]), содержащее намек на атрибуты какого-либо верховного правителя, семантически коррелирует с фамилией, производящая основа которой непосредственно указывает на преимущество героя относительно других на вертикальной оси. Показательно в этом отношении и отчество *Трофимович*: *Трофим* из греч. *Τρόφιμος* «кормилец, питающий» [12, с. 313], отсылающее нас к образу царя — кормильца народа: «Благочестивый царь — кормилец народа. Царь — помазанник Божий, посвященный на царство Самим Господом (Еккл. 10: 20–24). Но истинным кормильцем в христианстве является Всевышний: «При пояснении, откуда обычай молиться пред вкушением пищи, обычно приводится пример чуда Христова: перед тем как насытить народ пятью хлебами и двумя рыбами, Христос воззрел на небо. Обращение к Отцу Небесному, прославление Его, одним словом — молитва, вот что предшествовало этой благодатной трапезе. Пища — дар Отца Небесного и Христа, который сумел чудодейственным образом преумножить продукты — дары, принесенные ему людьми. Таким образом, символически за столом всегда подразумевается присутствие Всемогущего Кормильца» [8]. Тривжды повторенная с наращением смысла информация, заключенная в антропониме Верховенского-старшего не может быть случайностью, так

как для ономастикона Ф. М. Достоевского даже сказанное дважды является знаковым, а троекратное повторение, тем более, нельзя оставлять без внимания.

Богоборческие стремления, отраженные в фамилии *Верховенский*, подтверждаются другими мотивами в романе. В тексте романа упоминаются опаленные орлиные крылья Степана Трофимовича, вынужденного осесть в Скворешниках: «...его соблазняла гремевшая в то время слава одного незабвенного профессора, и он, в свою очередь, полетел на кафедру, к которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиные крылья. И вот теперь, уже с опаленными крыльями, он, естественно, вспомнил о предложении, которое еще и прежде колебало его решение» [6, т. 10, с. 11]. Соотнесение героя романа с орлом, царем птиц, парящим в вышине, поддерживается значением фамилии *Верховенский*, выражающей желание верховенствовать, верховодить, т.е. управлять всеми.

В соответствии с христианским мировоззрением, верховным злом для Ф. М. Достоевского является гордыня, поэтому в Пушкинской речи звучит призыв к смирению: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость»; «победишь себя, умиришь себя, и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь» [6, т. 26, с. 139]. Этот призыв можно обратить и к самозабвенно устремленному в небо Степану Трофимовичу Верховенскому, который, на самом деле, не может сдвинуться с места, отягощенный грузом гордыни, до тех пор пока в беседе с книгоношей не открывает для себя истинные ценности, поэтому в черновиках к роману появляется такая фраза: «Я как-то сдвинулся с двадцатилетнего места и куда-то поехал <...> или полетел. Куда — не знаю, но я полетел» [6, т. 11, с. 287]. Появление у героя истинных жизненных целей связано с именем Софьи Матвеевны: это же «мудрость, дарованная Богом» (*Софья, София: σοφία* «мудрость, разумность, наука», *Матвей* — «дар Бога») [12, с. 426, 232]. Фамилия книгоноши *Улитина* — контекстуальный антоним фамилии *Верховенский*, возникающий на уровне мифопоэтических оппозиций *низ — верх, земля — небо: Улитина* из «улитка, улитка» — животное из отдела слизней [5, т. 4, с. 458]. Интересно, что в XIX в. винтовую лестницу называли *лестница улиткою* [5, т. 4, с. 458]: в данном контексте в фамилии Софьи Матвеевны заключается философский смысл постепенного восхождения к небу (в отличие от стремительного полета Степана Трофимовича), с возможным возвращением назад. Антропонимически акцентированная связь книгоноши с землей является мифопоэтическим подтверждением идеи Ф. М. Достоевского о возможности воскрешения через обращение к Матери-сырой-земле. Небо же открывается человеку только после его смерти. Например, герой рассказа «Мальчик у Христа на елке» только на небе обретает счастье, свидевшись с матерью на елке. В связи с этим симптоматично восклицание Степана Трофимовича Верховенского о собственной жизни: «...безумец, мечтавший взлететь на небо» [6, т. 10, с. 412].

В. И. Даль в своем словаре приводит известную в новгородских говорах идиому *улиточная грамота* — милосердая, милующая, прощающая, объявление помилованья [5, т. 4, с. 489]. Слово сочетание *улиточная запись* встречается в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «...улиточная запись — договор об уступке прав на наследство в губерниях Черниговской и Полтавской. <...> название *улиточная* дано судебной практикой и заимствовано от малороссийского слова *уливать* — уступать, передавать» [16]. Вероятно, данное выражение было знакомо Ф. М. Достоевскому, и книгоноша Софья Матвеевна возникает в романе, чтобы принести Степану Трофимовичу Верховенскому, косвенно виноватому в разгуле бесовщины, ни что иное, как улиточную, грамоту, т. е. прощение. Интересно, что важная для Ф. М. Достоевского идея

прощения поддерживается ассоциативной связью с именем великомученицы Улиты, которую вместе с ее сыном Кириком старообрядцы считают своей покровительницей, молясь перед иконой Улите и Кирику об отпущении грехов. Немаловажен тот факт, что по преданию во время пыток Улита повторяла: «Я христианка и не принесу жертвы бесам». За прощением и отпущением грехов идет в конце романа Степан Трофимович Верховенский в город с символическим названием *Спасов*.

Возникающий в тексте романа «Бесы» мотив окрыленности поддерживает семантику названия романа. Общеизвестно, что в древнеславянских языческих представлениях бесами назывались злые духи. Это же значение слова перешло и в христианскую религию, где было использовано для перевода греческого понятия демоны. Когда-то бесы были ангелами, но изменили Богу и стали его противниками. От своего ангельского прошлого бесы, изображенные на картинках, сохранили «ангельские» крылья, и приобрели уродливую, демоническую внешность. Не случайно в последнем романе Ф. М. Достоевского Черт оправдывается перед Иваном в отсутствии крыльев за своей спиной: «Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебе как-нибудь в красном сиянии, «гремя и блистая», с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде» [6, т. 14, с. 81], а Иван понимает, что перед ним «просто черт, а не сатана с опаленными крыльями, в громе и блеске» [6, т. 14, с. 86].

Необходимо отметить, что освоение пространства-времени Петром Степановичем Верховенским происходит «в полете»: «и вдруг влетел в гостиную — совсем не Николай Всеволодович, а совершенно не знакомый никому молодой человек» [6, т. 14, с. 143], «я летел заявить тебе» [6, т. 14, с. 161], «через две минуты уже летел по дороге вслед за ушедшими» [6, т. 14, с. 319]. Г. С. Сырица отмечает, что «доминанта *лететь* является одной из частотных в описании Петра Верховенского» [13, с. 289–290].

Интересно обыгрывается в романе этимология фамилии *Верховенский*: первый раз — в связи с объяснением жизненных ценностей Степана Трофимовича, а второй — в связи с намерениями Петра Степановича. «Mais, ma bonne amie, положим, я ошибусь, но ведь имею же я мое всечеловеческое, всегдашнее, *верховное* право свободной совести?» — спрашивает в начале романа Степан Трофимович Варвару Петровну (курсив наш. — С. С.) [6, т. 10, с. 51]. «Это когда вы захватите верховную власть и покорите Россию?» — вскрывая смысл фамилии *Верховенский*, задает вопрос Шатов (курсив наш. — С. С.) [6, т. 10, с. 294].

«Вертикальная» устремленность фамилии героев — способ акцентирования внимания на очередной метонимической замене хронотопных полюсов *верха* и *низа*. Степан Трофимович Верховенский только перед смертью поймет, что та вершина, на которую он окрыленно стремился всю свою жизнь, чтобы верховенствовать, верховодить, является преисподней, обиталищем бесов.

В связи с этим эмблематично обитание высоко над землей тех героев произведений Ф. М. Достоевского, которые, казалось бы, находятся «внизу», с точки зрения совершаемых ими поступков: «наверху, в каморке» размещается Алексей Иванович в романе «Игрок» [6, т. 5, с. 230]; «под самой кровлей, в шестиэтажном, огромнейшем доме» живет с семьей Неточка Незванова [6, т. 2, с. 159]; Мармеладовы проживают «в конце лестницы, на самом верху» [6, т. 6, с. 22], каморка Раскольникова «приходилась под самой кровлею высокого пятиэтажного дома» [6, т. 6, с. 5], в «светелке под крышей» живет Аркадий Долгорукий [6, т. 13, с. 82]. Таким образом, для Ф. М. Достоевского обитание на самом верху — особый знак. Не случайно Ставрогин в «Бесах» подвешивает себя на самом верху своего дома: куда подниматься пришлось «чуть не под крышу

по деревянной, длинной очень узенькой и ужасно крутой лестнице» [6, т. 10, с. 515]. Мотив проживания в птичьем домике найдет свое место в романе «Подросток», где квартира Татьяны Павловны в две комнаты — «точь-в-точь две канареечные клетки» [6, т. 13, с. 126]. Думается, что и выбор топонима *Скворешники* был мотивирован особым пространственным статусом домика для скворцов, который обычно располагают на большом расстоянии от земли. Как видим, можно говорить не только о горизонтальном, но также о вертикальном освоении пространства в творчестве Ф. М. Достоевского. Подобное восприятие пространства метафизически обусловлено, ведь *срубить город* — это «построить, обнеся место, для защиты, рублеными бревенчатыми стенами, ино с башнями, бойницами, воротами» [5, т. 1, с. 380].

Как видим, Ф. М. Достоевский в своем творчестве опирается на мифологические традиции восприятия неба. Небо — это место обитания Творца. Представления Ф. М. Достоевского о небе нашли свое отражение в ономастиконе: стремления к небу как к символу недостижимой выси и превосходства оборачиваются для многих героев безрадостным падением. А. Белый в статье «Ибсен и Достоевский» верно отмечает, что у самого «Достоевского не было крыльев орлиных», в связи с чем он был слишком далек от неба: «Чтобы земля стала небом, нужно найти небо; а для этого стоит забыть о земле» [2, с. 196], а Ф. М. Достоевский этого сделать не мог. Вероятно, поэтому у писателя так мало героев, которые нашли свой путь на небо. Среди них Мальчик из рассказа «Мальчик у Христа на елке», оказавшийся на небе после смерти. Небо обещано только тем героям, которым для нравственного очищения дала свои благодатные силы Мать-сыра-земля. Так, оппозиция *верх (небо) – низ (земля)*, отразившаяся в ономастиконе, выступает в роли вертикальных координат художественных текстов Ф. М. Достоевского, способствуя более глубокому пониманию идейно-художественного замысла писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.
- 2 *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
- 3 *Гафуров А.* Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрок. Словарь. М.: Наука, 1987. 220 с.
- 4 *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Серия: Технологии культуры. М.: Академический Проект, 2007. 512 с.
- 5 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995.
- 6 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1988.
- 7 *Клейман Р. Я.* Достоевский: Константы поэтики. Кишинев: Tipograf. «Elan Poligraf», 2001. 360 с.
- 8 *Кондратьева Т.* Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. // LawBook. online. URL: <http://pravo.news/gosudarstva-prava-teoriya/korni-rituala-28004.html> (дата обращения: 15.05.2016).
- 9 *Лосев А. Ф.* Мифология // Философская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 457–467.
- 10 *Ренанский А. Л.* Метафизика антиамериканизма у Ф. М. Достоевского // Материалы глобального партнерства по развитию научного сотрудничества. М.: Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества, 2015. С. 163–186.

- 11 Скуридина С. А. Мать-сыра-земля как мифопоэтическая константа творчества Ф. М. Достоевского: ономастический аспект // Вестник славянских культур. 2016. № 4 (42). С. 143–150.
- 12 Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: АСТ, 1998. 528 с.
- 13 Сырица Г. С. Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
- 14 Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исслед. в обл. мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс, Культура, 1995. 621 с.
- 15 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Терра — Азбука, 1996.
- 16 Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907 // Академик. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/104430/Улиточная (дата обращения: 24.02.2017).

© 2017. Svetlana A. Skuridina
Voronezh, Russia

SKY AS MYTHOPOETIC CONSTANT IN THE WORKS OF DOSTOEVSKY: ONOMASTIC ASPECT

Abstract: The proper noun research of the F. M. Dostoevsky's compositions associated by the mythopoetical constant sky constitutes a part of the research, devoted to the study of mythopoetical constants as nontemporal universals in the onomastic laboratory of the great writer. The mythopoetic dominant sky has primarily found its symbolic reflection in such anthroponyms as Verkhovenskiy and Verkhovtseva, as well as in toponym Skvoreshniki. Determinancy of the onyms by the mythologeme sky acts as a special symbol in the writer's works, pointing out to the analogical substitution of one constant by another.

Keywords: onomastics, toponym, anthroponym, poetics, mythological constants of F. M. Dostoevsky.

Information about the author: Svetlana A. Skuridina — PhD in Philology, Associate Professor, Voronezh State Technical University, Moskovsky prospect, 14, 394026 Voronezh, Russia. E-mail: saskuridina@yandex.ru

Received: March 01, 2017

Date of publication: December 15, 2017

REFERENCES

- 1 Afanas'ev A. N. *Drevo zhizni: Izbrannye stat'i* [The tree of life: Selected articles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 464 p. (In Russian)
- 2 Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 528 p. (In Russian)
- 3 Gafurov A. *Imja i istorija: Ob imenah arabov, persov, tadzhikov i tjurkov. Slovar'* [Name and history: on the names of the Arabs, Persians, Tajiks and Turks. Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 220 p. (In Russian)

- 4 Gachev G. *Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos. Serija: Tehnologii kul'tury* [National worldviews. Cosmo-Psycho-Logos. Series: Technologies of culture]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2007. 512 p. (In Russian)
- 5 Dahl' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Live Great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Terra Publ., 1995. (In Russian)
- 6 Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t* [Complete works in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1988. (In Russian)
- 7 Klejman R. Ja. *Dostoevskij: Konstanty pojetiki* [Dostoevsky: the Constants of poetics]. Kishinev, «Elan Poligraf» Publ., 2001. 360 p. (In Russian)
- 8 Kondrat'eva T. Kormit' i pravit': O vlasti v Rossii XVI–XX vv. [To feed and rule: About power in Russia, XVI–XX centuries]. *LawBook.online*. Available at: <http://pravo.news/gosudarstva-prava-teoriya/korni-rituala-28004.html> (accessed 15 May 2016). (In Russian)
- 9 Losev A. F. Mifologija [Mythology]. *Filosofskaja jenciklopedija* [Encyclopedia of philosophy]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1964, vol. 3, pp. 457–467. (In Russian)
- 10 Renanskij A. L. Metafizika antiamerikanizma u F. M. Dostoevskogo [The metaphysics of anti-Americanism in Dostoevsky]. *Materialy global'nogo partnerstva po razvitiju nauchnoogo sotrudnichestva* [Materials on global partnership for development of the scientific cooperation]. Moscow, Global'noe partnerstvo po razvitiju nauchnoogo sotrudnichestva Publ., 2015, pp. 163–186. (In Russian)
- 11 Skuridina S. A. Mat'-syr-a-zemlja kak mifopojeticheskaja konstanta tvorcestva F. M. Dostoevskogo: onomasticheskiy aspekt [Mother-earth as a mythopoethic constant in the works of Dostoevsky: onomastic aspect]. *Vestnik slavjanskikh kul'tur*, 2016, no 4 (42), pp. 143–150. (In Russian)
- 12 Superanskaja A. V. *Slovar' russkikh lichnyh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, AST Publ., 1998. 528 p. (In Russian)
- 13 Syrica G. S. *Pojetika portreta v romanah F. M. Dostoevskogo* [The poetics of the portrait in the Dostoevsky's novels]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 407 p.
- 14 Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issled. v obl.mifopojeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetics: Selected works]. Moscow, Progress, Kul'tura Publ., 1995. 621 p. (In Russian)
- 15 Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg, Terra — Azbuka Publ., 1996.
- 16 Jenciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1890–1907. *Akademik*. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/104430/Ули-точная (accessed 24 February 2017). (In Russian)